

УДК 811.161.1'37
ББК 84-5

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Е.Ю. Муратова

В статье рассматривается узкое и широкое понимание интертекстуальности. Исследуются типы интертекстуального взаимодействия поэтических текстов. Доказывается, что чем больше внутритекстовых и экстралингвистических связей удастся установить и обосновать, тем глубже и объективнее интерпретация поэтического произведения.

Ключевые слова: *интертекстуальность, диалог, связь, пародирование, смысл, тип интертекстуального взаимодействия.*

Любой поэтический текст связан с другими текстами культуры, то есть он функционирует в поле многих семиотических систем, в особом лингвокультурологическом пространстве. Влияние этого пространства не может не сказаться на формировании новых или дополнительных содержаний любого художественного произведения. «Исчерпывающее познание природы человека и его бытия возможно при условии “погружения” его в определенное историческое время, пространство и окружающий его не только мир природы, но и мир себе подобных, то есть этнически, социально, конфессионально и культурно однородный социум, погружение его в семиосферу культуры такого социума» [8, с. 281].

По мнению М.М. Бахтина, автор всегда находится в диалоге с современной и предшествующей литературой, текст отражает в себе все иные тексты данной смысловой формы: автор художественного произведения имеет дело не с действительностью вообще, но уже с оцененной и оформленной действительностью. Отдельное слово – это «аббревиатура высказывания... каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило» [2, с. 106].

Эту мысль развил Ю.М. Лотман: «Монолог, к которому тяготеет поэзия, оказыва-

ется полилогом; единство поэтического текста складывается из полифонии различных голосов, говорящих на разных “языках” культуры» [6, с. 113]. Позже ученый писал, что текст подобен зерну, содержащему в себе программу будущего развития, он обладает внутренней не-до-конца-определенностью, которая под влиянием контактов с другими текстами создает смысловой потенциал для его интерпретации [7, с. 22]. Понятия, которыми пользовался Ю.М. Лотман, – семиосфера, семиотическое пространство, культурная память – непосредственно связаны с проблемой интертекстуальности.

Термины «интертекст» и «интертекстуальность» были введены в современный научный обиход в конце 60-х гг. XX в. в работах теоретика постмодернизма, французской исследовательницы Юлии Кристевой, которая сформулировала свою концепцию на основе переосмысления работы М.М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве». Даже название статьи Ю. Кристевой «Бахтин, слово, диалог и роман» [5] связано именно с русской лингвистической традицией. Но бахтинскую идею «диалога» Ю. Кристева ограничила исключительно сферой литературы, диалогом между текстами. По ее мнению, любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективно-

сти встает понятие интертекстуальности. Ю. Кристева подчеркивает бессознательный характер заимствований, говоря о «безличной продуктивности» текста, который порождается как бы сам по себе, помимо сознательной воли автора [5, с. 429].

Понимание интертекстуальности может быть различным не только с точки зрения порождения текста, но и с точки зрения его восприятия. Помимо собственно межтекстовых взаимодействий, в теории интертекстуальности важнейшее значение имеет проблема «автор – читатель». Первым на роль читателя в создании текста указал М.М. Бахтин. Не только автор создает интертекстуальное пространство путем включения в свой текст иных текстов, но и читатель определяет авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Поскольку взаимодействие между текстами образует каждый раз уникальную систему, обладающую общей памятью, постольку адекватность восприятия порождаемых автором текстов зависит от «объема общей памяти» между ним и его читателем. Общую память можно иначе назвать межтекстовой компетентностью, которая «основана на том, что в объеме памяти читателя хранятся следы ранее прочитанного, приемы литературных описаний, принципы различных жанров, модели возможных переосмыслений, модели разных тропов» [1, с. 9] и т. д., хотя текст автора и текст читателя полностью не совпадают, так как каждая языковая личность имеет свой набор ассоциаций. Эти две стороны интертекстуальности – читатель (исследователь)/автор – реализуют интертекстуальность текста, естественно, по-разному. С точки зрения читателя интертекстуальность – это установка на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания текста за счет установления связей с другими текстами.

В таком случае для читателя всегда существует альтернатива: либо продолжать чтение, рассматривая инотекстовое включение как органичный элемент данного текста, либо обратиться к тексту-источнику, «осуществив своего рода “интеллектуальный анамнез”, благодаря которому маркированный элемент в парадигматической системе текста-реципиента выступает как “смещен-

ный и отсылающий к синтагматике исходного текста”» [10, с. 16–17].

Таким образом, интертекстуальность получает конкретное воплощение в разных видах и формах как межтекстового взаимодействия, так и в диалоге между автором и читателем.

В рамках лингвопоэтического направления существует широкое и узкое понимание интертекстуальности. В широком смысле интертекстуальность трактуется как универсальное свойство текста вообще, то есть всякий текст рассматривается как интертекст, а интертекстуальность предстает как теория безграничного, бесконечного текста, интертекстуального в каждом своем фрагменте. Такова позиция Р. Барта и представителей французской школы (Ю. Кристевой, М. Раффатера, Ж. Дерриды), а также Ю.М. Лотмана. В узком смысле интертекстуальность определяется не как универсальное свойство любого текста, а как особое качество лишь определенных текстов, при этом один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам. Данное понимание интертекстуальности нашло отражение в работах И.П. Смирнова, Н.А. Кузьминой, Н.А. Фатеевой, В.Е. Чернявской. Некоторые западные ученые (Л. Дэлленбах, П. Ван ден Хевель) интертекстуальность трактуют как взаимодействие различных видов внутритекстовых дискурсов (то есть в бахтинском смысле – взаимодействие «своего» и «чужого» голоса). Однако как бы ни понималась интертекстуальность, большинством ученых признается глубинная сущность данного термина – способность текста полностью или частично формировать свой смысл посредством отсылок к другим текстам.

Исследованием влияний занимались многие филологи XX века. В эпоху символизма акцент делался на регистрацию заимствований (например, статья М.О. Гершензона «Плагиаты Пушкина»), позднее стали анализироваться различные виды взаимосвязи между разными художественными текстами, что нашло отражение, например, в работах В.М. Жирмунского по сопоставлению поэм Д. Байрона и А.С. Пушкина; в работах Б.М. Эйхенбаума по исследованию творчества М.Ю. Лермонтова, следовательно, подход к интертекстуальным исследованиям со временем меняется. Причины этого, на наш

взгляд, разные: объективное накопление теоретического материала, сужение поля неисследованных классических текстов, изменение научной парадигмы. Однако главной причиной актуальности интертекстуальных исследований является то, что анализ поэтических текстов позволяет находить в них смыслы, которые могут появляться в процессе существования текста в «большом времени», поскольку, по мысли М. Бахтина, каждое произведение искусства ведет диалог с голосами из прошлого и обогащается новыми смыслами в будущем своем существовании. В частности, М. Бахтин писал: «Даже *прошлые*, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде» [3, с. 209]. «Обогащение новыми смыслами в будущем» – это трансцендентное явление в поэзии, когда новые реалии жизни порождают новые смыслы текста.

Новизна интертекстуальных исследований в начале XXI в. определяется особенностями современного поэтического языка. Для поэзии XX–XXI вв. характерны не только новые темы, образы, видение мира, осознание особенностей своей эпохи, но также иной, по сравнению с XIX в., поэтический язык, который реализуется как сложная, часто экзистенциальная форма отражения действительности и самовыражения творящего сознания.

Если в поэзии XVIII–XIX вв. слово воплощало смысл, сформированный в предшествующих авторитетных текстах, то в XX в. появляется множество поэтических произведений, в которых значение слова порождается данным конкретным контекстом. Как показано в «Очерках истории языка русской поэзии XX века» [9, с. 7–25], в искусстве XX в. одним из заметных процессов в художественном отражении мира является стремление к передаче не результата, а процесса мышления и восприятия, «потока сознания». В определенных поэтических текстах процесс формирования языкового значения получает эк-

зистенциальный смысл, контекст расширяет и часто изменяет границы лексических и грамматических значений слова. Частотность этого явления в современной поэзии позволила М.Л. Гаспарову [4, с. 191] утверждать, что появился новый троп – антиэмфаза (расширение и размывание значения слов). Это явление порождает двойное или множественное кодирование текста и тем самым предоставляет возможность разного понимания для разных субъектов восприятия.

Современная поэзия ориентирована на активные языковые поиски и языковые преобразования, для нее характерно внимание к языку, приближение к пределам его возможностей, что активно проявляется в творчестве, например, В. Кривулина, В. Сосноры, Л. Лосева, А. Левина и др. Новый поэтический язык требует и новых исследований, в том числе интертекстуальных.

Типы интертекстуального взаимодействия текстов имеют широкий спектр реализаций весьма разнообразных интертекстуальных смыслов – от преемственности до конфронтации. Новый текст, диалогически реагирующий на предтекст, может задавать ему любую смысловую перспективу: дополнять, избирательно выдвигать на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформировать и даже разрушать первичную смысловую систему.

В качестве иллюстрации проанализируем отрывок из стихотворения И. А. Бродского. Известные строки А.С. Пушкина *Я вас любил: любовь еще, быть может...*; *Я вас любил безмолвно, безнадежно...* откровенно и намеренно цитируются И. Бродским в шестом из «Двенадцати сонетов к Марии Стюарт»: *Я вас любил. Любовь еще (возможно, / что просто боль) сверлит мои мозги... Я вас любил так сильно, безнадежно, / Как дай вам Бог другими – но не даст!* Прямое пародирование у И. Бродского наблюдается лишь на поверхностном уровне. На самом деле взаимоотношения между двумя текстами гораздо сложнее за счет тонкой языковой игры И. Бродского, в которую вовлечены, прежде всего, лексические средства. Интертекстуальные маркеры (строки А. Пушкина) организуют семантическое поле «несчастливая робкая романтичес-

кая любовь», поскольку уже начало стихотворения И. Бродского *Я вас любил* на подсознательном уровне возвращает читателя к пушкинскому оригиналу о светлой и несчастной любви. Лексика самого И. Бродского *возможно, что просто боль; сверлит мозги; любил так сильно* (у А. Пушкина – *любил так искренно*), *другими* (у А. Пушкина – *другим*), *но не даст* организует противоположное поле – «несчастливая, но неромантическая любовь». Такое «сплетение» разной лексики разных поэтов рождает глубинные смыслы: боль душевная (у А. Пушкина) превращается в физическую *просто боль*; мучает она не душу, а *сверлит мозги*; *любил сильно*, то есть, скорее всего, речь идет о страсти, а значит, присутствует физиологическое начало; лирический герой И. Бродского не верит в чистоту своей бывшей возлюбленной, так как предполагает в ее будущей жизни много любовников (*Как дай вам Бог другими*), и, самое главное, категорическое *не даст* говорит о том, что он не хочет ее счастья (а у А. Пушкина – искреннее и наполненное любовью *Как дай вам Бог любимой быть другим*). Трансцендентные смыслы, как думается, могут быть еще более глубокими: лирический герой уверенно заявляет словами А. Пушкина *Я вас любил*, а автор всем ходом стихотворения как будто спрашивает: любил ли? способен ли на чистую романтическую любовь? и разве она такая – настоящая любовь? может быть, как раз тебе Бог *не даст* ничего, поскольку ты жесток, слеп душою и неблагодарен? Все эти смыслы не облечены в слова в тексте стихотворения, они возникли по мере линейного «развертывания» текста.

Гораздо чаще интертекстуальность представляет собой не диалог или пародирование предтекста, а определенную «точку отсчета» рефлексии автора, его желания понять себя и окружающий мир на новой эмоционально-интеллектуальной волне, источник которой принадлежит другому автору, авторам, коллективному бессознательному, но последующее «море, ими полное» – это собственное творчество, собственное произведение. Проанализируем стихотворение Виктора Кривулина «Урок словесности» (орфография и пунктуация авторские):

на гусениц похожие училки
учили нас не ползать, но летать:
у собакевича особенная статья
у чичикова личико личинки –
все это мне до смерти повторяют
до вылета из кокона – в какую
непредсказуемую благодать?

Выявляется 3 интертекстуальных включения: *не ползать, но летать* (*не ползать, а летать* – «Песня о Соколе» М. Горького); *собакевич, чичиков* (*Собакевич, Чичиков* – «Мертвые души» Н. В. Гоголя); *особенная статья* (у ней *особенная статья* – «Умом Россию не понять...» Ф.И. Тютчева).

Уже в первых двух строках возникают глубинные смыслы за счет скрытого противоречия: с одной стороны, учителя учили хорошему – *не ползать, но летать* (горьковская категоричность значимо отсутствует: союз *а* заменен союзом *но*), с другой стороны, учителя пренебрежительно названы *училками* и, главное, они *похожи на гусениц*, которые как раз не летают, а ползают. Отсюда возникают невербализованные смыслы: учат одному, а сами делают другое; учат тому, на что сами не способны. Возможно еще одно «ветвление» смысла: как гусеница – это потенциальная бабочка, так учителя – это нереализовавшие себя люди, еще способные «стать бабочками».

Из третьей строки у *собакевича особенная статья* вырисовывается довольно положительный образ гоголевского героя, поскольку «срабатывает» интертекстуальный маркер синергетичности *особенная статья* – незабываемый образ России, *в которую можно только верить*. А вот образ Чичикова в следующей строке предстает иным: у *чичикова личико личинки*. Повтор звукового сочетания [чи] и гласного [и] объединяют *чичикова* и *личинку* в единое смысловое целое. Поскольку описываемая жизнь протекает в коконе, то *чичиков* – один из нас, такая же личинка. Причем *чичиков* предстает не отрицательным героем, поскольку личинка – это стадия индивидуального развития многих животных, значит, он способен к дальнейшему развитию. Тогда возникает вопрос: а какие мы? Тоже *чичиковы* (и что они собой представляют?) или нас такими хотят сделать? Неспроста *училки – учили – чичиков* объединяются фонетически. В итоге возникает понимание учебы как странного про-

цесса, в котором все положительное и отрицательное переплетено, литературные герои, учителя не вызывают уважения и сами ни на что не способны. Впечатление, что школа – это конкон, не дающий расправить крылья, усиливается также за счет написания личных имен без заглавной буквы и отсутствия знаков препинания: перед нами не перечисление и не выделение кого-то, а сплошная биомасса. После такой школы будущая свободная жизнь представляется *непредсказуемой благодатью*, но вопросительный знак в конце рождает сомнения в этой благодати. Всех этих смыслов нет в словарных значениях лексем, они возникли как результат интертекстуальных связей поэтического текста.

Таким образом, чем больше внутритекстовых и экстралингвистических связей удастся установить и обосновать, тем глубже интерпретация произведения, основная задача которой – «перевести» стереомерный язык произведения на линейный метаязык анализа с возможно меньшей потерей смысла» [1, с. 27]. Значимость интертекстуального подхода определяется в первую очередь задачами объективной и адекватной интерпретации текста, выявления его смысловой полифоничности и приращения смысла за счет диалогического взаимодействия с другими текстами культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд, И. В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика / И. В. Ар-

нольд // Интертекстуальные связи в художественном тексте : межвуз. сб. науч. тр. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1993. – С. 4–12.

2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.

3. Бахтин, М. М. К методологии литературоведения / М. М. Бахтин // Контекст – 1974 : лит.-теорет. исслед. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 203–212.

4. Гаспаров, М. Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (проблема сравнительной метрики) / М. Л. Гаспаров // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения – М. : Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького РАН, 1986. – С. 188–209.

5. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. – М. : Прогресс, 2000. – С. 427–457.

6. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1972. – 271 с.

7. Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике / Ю. М. Лотман / Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М. : Гнозис, 1994. – С. 10–257.

8. Малинович, Ю. М. Тема игры на деньги взаправду и понарошку в рассказе В. Распутина «Уроки французского» / Ю. М. Малинович // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – М. : Индрик, 2006. – С. 278–289.

9. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: общие вопросы. Звуковая организация текста / под общ. ред. В. П. Григорьева. – М. : Наука, 1990. – 300 с.

10. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с.

THE PROBLEMS OF INTERTEXTUAL INTERACTION IN POETRY

E. Yu. Muratova

Narrow and broad interpretations of intertextuality are analyzed in the article. The types of intertextual interaction of poetic texts are researched. It is proved that the more intertextual and linguistic connections are found and grounded, the deeper and more objective the interpretation of a poetic text is.

Key words: *intertextuality, a dialogue, a connection, a parody, sense, a type of intertextual interaction.*